

Научно-атеистическая работа в системе политико-идеологических отношений советского общества

В. А. Курилов

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В статье проводится анализ процесса бюрократизации научно-атеистической деятельности в Советском Союзе во второй половине XX в. На основании архивных источников раскрываются функции советской системы атеистического воспитания, а также основные причины неэффективности научно-атеистического проекта в Советском Союзе.

Содержание. На основе разнообразных исторических источников доказывается непосредственную связь идеологической работы с развитием стратификации общества в Советском Союзе второй половины XX в. Исследуется функционирование партийно-государственных идеологических учреждений в ходе управления духовной жизнью советского общества. На примере атеизации общественного сознания эксплицируется охранительная роль марксистско-ленинской идеологии в целом и научно-атеистической пропаганды в частности. Выявляются коренные причины неэффективности атеистического воспитания в советском обществе. Объясняется развитие противоречия между идеологией КПСС и политикой Советского государства в сфере свободы совести. Доказывается взаимосвязь утраты политического авторитета правящей партии и вынужденного сворачивания системы атеистического воспитания.

Выводы. Формирование и развитие системы атеистического воспитания в Советском Союзе было вызвано не насущной общественной необходимостью, а желанием партийной бюрократии, её идеологического аппарата форсировать процессы секуляризации общественного и индивидуального сознания. Волонтаристское формирование атеистических убеждений вне связи с действительными закономерностями развития религиозного сознания привело к индифферентизму, а в некоторых случаях и к открытому сопротивлению социальных общностей, несогласных с духовным диктатом структур власти. Нарастало противоречие между прагматическими задачами государственного управления и догмами партийной идеологии. Научный атеизм являлся подсистемой «научной идеологии» марксизма-ленинизма и выполнял охранительную функцию интересов правящей политической элиты «верхнего эшелона» партийно-государственной бюрократии. Формализация действий партийного аппарата по преодолению религии привела к противоположному результату – бюрократизации научного атеизма и утрате его эффективности.

Ключевые слова: партийно-государственная бюрократия, бюрократизация научно-атеистической работы, советская система атеистического воспитания.

Для цитирования: Курилов В. А. Научно-атеистическая работа в системе политико-идеологических отношений советского общества // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 1. – С. 236–260. DOI: 10.35231/18186653_2024_1_236. EDN: GNLDLG

Scientific-atheistic Work in the Soviet Society Political-ideological Relations System

Viktor A. Kurilov

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article analyzes the process of bureaucratization of scientific atheistic activity in the Soviet Union in the second half of the twentieth century. Based on archival sources, the functions of the Soviet system of atheistic upbringing are revealed, as well as the main reasons for the ineffectiveness of the scientific atheistic project in the Soviet Union.

Content. Based on various historical sources, the author proves the direct connection of ideological work with the development of the society stratification in the Soviet Union in the second half of the twentieth century. The article examines the functioning of party-state ideological institutions in the course of managing the Soviet society spiritual life. Using the example of the atheization of public consciousness, the protective role of Marxist-Leninist ideology in general and scientific atheistic propaganda in particular is explicated. The root causes of the ineffectiveness of atheistic activity in Soviet society are revealed. The development of the contradiction between the ideology of the CPSU and the policy of the Soviet state in the field of freedom of conscience is explained. The relationship between the loss of the ruling party political authority and the forced curtailment of the atheistic education system is proved.

Conclusions. The formation and development of the atheistic upbringing system in the Soviet Union was caused not by an urgent social necessity, but by the desire of the party bureaucracy and its ideological apparatus to force the processes of secularization of public and individual consciousnesses. The voluntaristic formation of atheistic beliefs, out of connection with the actual laws of the development of religious consciousness, led to indifferentism, and in some cases to the open resistance of social communities that disagree with the spiritual dictates of power structures. The contradiction between the pragmatic tasks of public administration and the dogmas of party ideology was growing. Scientific atheism was a subsystem of the "scientific ideology" of Marxism-Leninism and performed a protective function of the interests of the ruling political elite of the "upper echelon" of the party-state bureaucracy. The formalization of the actions of the party apparatus to overcome religion led to the opposite result – the bureaucratization of scientific atheism and the loss of its effectiveness.

Key words: party and state bureaucracy, bureaucratization of scientific and atheistic work, the Soviet system of atheistic upbringing, atheistic propaganda, scientific atheism, atheization of public consciousness.

For citation: Kurilov, V. A. (2024) Nauchno-atheisticheskaya rabota v sisteme politiko-ideologicheskikh otnoshenij sovetskogo obshchestva [Scientific-atheistic Work in the Soviet Society Political-ideological Relations System]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 236–260. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_1_236. EDN: GNLDLG

Введение

Целью данной статьи является анализ бюрократизации научно-атеистической работы в Советском Союзе во второй половине XX в. как неизбежного следствия всей организации идеологической системы КПСС. Для понимания этого процесса необходимо эксплицировать специфические особенности сложносоставного совокупного субъекта атеистического воспитания, главный контингент которого представлял идеологический аппарат КПСС.

К исследованию этой темы отечественные и зарубежные авторы подступали неоднократно и следует ожидать продолжения таких изысканий¹. Однако наибольший интерес чаще всего вызывала репрессивная сторона форсированной атеизации советского общества. В то же время явно недостаточно внимания уделяется аналитике устройства и механизмов реализации научно-атеистической деятельности с точки зрения мотивов и настроений идеологического аппарата, осуществившего эту деятельность.

Содержание исследования

Духовная жизнь советского общества второй половины XX в. развивалась в условиях целенаправленного воздействия партийных идеологических учреждений и государства, которое заключалось в создании разветвленной системы организаций, управляющих процессом формирования «нового человека» – сознательного строителя коммунистического общества.

Методом воздействия на мировоззренческие и общественные умонастроения была идеологическая работа. Её содержание определял Отдел пропаганды и агитации в аппарате ЦК КПСС и санкционировали высшие партийные органы. Декларированная цель идеологической работы – формирование научного мировоззрения, каковым

¹ См: Митрохин Н. (1) Советские специалисты по религии как социальная общность и аппарат ЦК // Человек и личность как предмет исторического исследования. Международный коллоквиум: научные доклады. [Препринт]. – СПб., 2010. – С. 346–347; (2) «Ответственный работник ЦК КПСС» Владимир Сапрыкин: карьера одного советского профессионального атеиста // Человек и личность в истории России, конец XIX–XX век: материалы международного коллоквиума. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 613–626; Humphrey C. The “Creative Bureaucrat”: Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse // Inner Asia. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 5–35; Luehrmann S. The Modernity of Manual Reproduction: Soviet Propaganda and the Creative Life of Ideology // Cultural Anthropology. 2011. Vol. 26. No. 3. P. 363–388; Bercken, William van den. Ideology and atheism in the Soviet Union. – Utrecht: De Gruyter, 2019.

полагалось мировоззрение марксистско-ленинское¹. Соответствующие этой цели директивные документы служили основой комплекса идеологических, организационных и административных мероприятий во всех союзных республиках, с учётом региональных особенностей на местах.

Развитие стратификации советского общества, отразившееся на состоянии общественного сознания, вызвало к жизни специфический феномен духовного производства – бюрократизацию идеологической работы. Его смысл заключался в первую очередь в доминировании интересов должностных лиц высших партийно-государственных управленческих органов и назначаемых ими нижестоящих профессиональных управленцев, наделённых политической властью. Историк М. С. Восленский использовал понятие «номенклатура» для обозначения партийно-государственной элиты [2, с. 14]. На наш взгляд, это хоть и ёмкое, но слишком расплывчатое понятие. Дело в том, что к перечню должностей (номенклатуре), который утверждал соответствующий партийный орган, могли относиться, например, должности и ректора университета, и рядового преподавателя. Разница для обеих номенклатурных должностей заключалась в том, какой партийный орган их утверждал. Должность ректора университета утверждали на Бюро республиканского ЦК Коммунистической партии или в Секретариате ЦК КПСС, а должность преподавателя вуза – в райкоме КПСС. Таким образом, формально к номенклатуре относились должности, которые не предполагали властных полномочий и особых привилегий. Исходя из этих соображений, мы не отождествляем понятия «партийно-государственная бюрократия» и «номенклатура».

В советской официальной литературе марксистско-ленинское мировоззрение определялось, как единственное последовательное научное мировоззрение эпохи. Вот одна из таких типичных дефиниций: «Научное мировоззрение есть единая и стройная система философских, экономических и общественно-политических взглядов марксизма, опирающихся на обобщение данных конкретных общественных и естественных наук и практического опыта мирового рево-

¹ Так в Резолюции XXIII съезда КПСС перед правящей партией ставилась грандиозная задача формирования марксистско-ленинского мировоззрения у всех советских людей [9, с. 194].

люционного и рабочего движения, опыта строительства социализма и коммунизма» [13, с. 190]. Таким образом, речь шла о тождестве идеологии КПСС – марксизма-ленинизма – и научного мировоззрения, которое должны были формировать партийные идеологические институты, Советское государство и социалистические организации.

В процессе формирования сознания «нового человека» атеистическое воспитание выполняло вспомогательную роль, являясь отраслью идеологической работы. Но постепенно оно развилось в относительно автономную систему атеизации общественного сознания советского общества. В советской литературе одно из развёрнутых определений системы атеистического воспитания принадлежит философу Н. И. Губанову. Согласно этому исследователю, система атеистического воспитания представляет собой совокупность трёх подсистем: 1) идейно-теоретического содержания; 2) организационных мероприятий; 3) методических форм и приёмов работы. Главным признаком системы атеистического воспитания, отмечал Губанов, является взаимодействие между составляющими её подсистемами и отдельными элементами, которое (взаимодействии) служит источником новых дополнительных стимулов укрепления и развития атеистической работы в целом [3, с. 29].

Разумеется, советское атеистическое воспитание не являлось исключительно педагогическим явлением. В нём были слиты воедино идеологический, политический, социальный и педагогический аспекты. Сущностью системы атеистического воспитания было формирование атеистической стороны научно-материалистического сознания и диалектического мышления «homo soveticus». При этом система атеистического воспитания в широком смысле включала в себя все факторы социальной среды, способствующие развитию атеистической стороны общественного сознания. В узком же смысле система атеистического воспитания состояла только из организаций и учреждений, занимающихся идеологической, воспитательной, образовательной и культурно-просветительной деятельностью.

Система атеистического воспитания, в сущности, была подсистемой системы партийной учёбы, поэтому и формировалась в начальный период как её органическая часть.

Организационным ядром системы атеистического воспитания были партийные организации и специальные советы по атеистической работе, сформированные партийными органами; также в неё входили научные, образовательные и культурно-просветительные учреждения, профсоюзы, творческие союзы, политические молодёжные и детские организации, детские образовательные дошкольные учреждения, трудовые коллективы, СМИ, органы общественной самодеятельности и даже учреждения здравоохранения. В центральных и многих местных издательствах были образованы редакции атеистической литературы. Одним словом, все социалистические объединения, планомерно и регулярно проводившие атеистические мероприятия, являлись звеньями системы атеистического воспитания.

С конца 1950-х гг. «религиозный вопрос» перемещается из политической в идеологическую сферу, тесно увязывается с формированием научного мировоззрения и процессом атеизации общественного сознания советского общества. Собственно говоря, именно в этот период начинается институционализация системы атеистического воспитания. С 1959 г. в высших и средних специальных учебных заведениях Советского Союза вводится курс «Основы научного атеизма», создаются «профильные» кафедры [11].

Для координации и методического руководства сферой атеистической пропаганды и воспитания в 1964 г. при ЦК КПСС было создано структурное подразделение Академии общественных наук – Институт научного атеизма¹. Согласно постановлению ЦК КПСС от 2 января 1964 г. на Институт научного атеизма (далее – ИНА) были возложены координация всей научной работы в области атеизма, проводимой институтами АН СССР, вузами и учреждениями Министерства культуры СССР, подготовка кадров высшей квалификации, организация разработок актуальных проблем научного атеизма, проведение общесоюзных конференций и семинаров, взаимодействие с зарубежными центрами атеистической работы. При ИНА были созданы учёный совет, Совет по координации

¹ См.: Зуев Ю.П. Институт научного атеизма (1964–1991) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения [Текст]: сборник / сост. и общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. Ч. 1: Институт научного атеизма – Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС. М.: МедиаПром; Изд-во РАГС, 2009. – С. 9–36.

[242] научно-исследовательской работы, проблемные группы по вопросам научного атеизма, а на местах при парткомах КПСС были организованы опорные пункты ИНА¹. Изначально в штат ИНА входило 35 человек, но в результате расширения уже к 1968 г. число штатных сотрудников достигло 47 человек. Оклады руководства и научных сотрудников колебались в диапазоне от 550 р. в месяц (оклад директора ИНА) и до 175 р. – у младших научных сотрудников². Научная деятельность ИНА дополнялась партийными идеологическими установками. Аппарат ЦК КПСС требовал от ИНА достоверной информации о религиозности советского общества и научно выверенных практических рекомендаций по замещению религиозного сознания научным мировоззрением.

Сотрудники ИНА совместно с местными партийными органами проводили локальные социологические исследования с целью выяснения религиозной ситуации в конкретном регионе: 1) выявляли отношение различных групп населения к религии и атеизму; 2) раскрывали специфические характеристики религиозной части населения; 3) изучали причины воспроизводства религиозной обрядности; 4) получали общие характеристики состояния атеистической работы и оценку её населением; 5) изучали проблемы подбора, подготовки и использования атеистических кадров.

Приоритетной задачей ИНА являлось изучение и обобщение опыта партийных организаций по руководству атеистическим воспитанием: разработка практических рекомендаций, направленная на повышение его эффективности и совершенствование подготовки партийных кадров в области научного атеизма³. Таким образом, подчинение научно-исследовательских задач практике идеологической работы делало научный атеизм глубоко «партийной наукой» [17].

В партийных документах второй половины XX в. название «научный атеизм» (по аналогии с научным коммунизмом) должно было подчеркнуть особое положение атеистического содержания советского обществоведения. При этом предмет научного атеизма вызывал бурные дискуссии в среде ведущих советских атеистов. На специальном совещании работников

¹ Архивная справка // РГАСПИ. Ф. 606. О. 4.

² Структура и штаты Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС // РГАСПИ. Ф. 606. О. 4. Д. 214. Л. 4.

³ Структура и штаты Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС // РГАСПИ. Ф. 606. О. 4. Д. 214. Л. 55.

ИНА под председательством директора этого учреждения А. Ф. Окулова, которое состоялось 13 января 1964 г., развернулось содержательное обсуждение предмета научного атеизма. Точка зрения о том, что никакого научного атеизма как самостоятельной науки нет, а есть марксистско-ленинская философия с её критическим отношением к религии, очевидно, не устраивала научных сотрудников ИНА. Предмет новой «науки» не мог сводиться исключительно к критике религии, методам и способам её преодоления. Однако позитивная сторона содержания предмета научного атеизма была совсем не очевидна и вызывала серьёзные разногласия, по крайней мере ни один из участников совещания не смог её сформулировать. Было понятно, что научный атеизм необходимо органически увязать с марксистско-ленинской философией, но при этом его предмет должен сохранить относительную самостоятельность. Участники совещания отмечали историческое развитие самого атеизма: от стихийных форм до его высшей формы в социалистическом обществе – марксистско-ленинского атеизма. Младший научный сотрудник ИНА И. М. Кичанова заметила, что в содержании предмета научного атеизма должна найти своё отражение специфика современного этапа развития атеизма в условиях социалистического общества. При этом она обратила внимание на социально-психологическую сторону этой проблемы. Согласно суждениям Кичановой, главная задача научного атеизма – определить пути восполнения человеком потребности, которая заставляет его обращаться не к земным силам, не к социальной организации, не к обществу, а к потусторонним силам. Следовательно, позитивная сторона предмета научного атеизма должна состоять в формировании гармоничного духовного мира человека, без обращения к сверхъестественным силам. Эту позицию поддержала и младший научный сотрудник ИНА И. А. Галицкая, которая посетовала на невнятность содержания атеистического воспитания и согласилась с идеей Кичановой об ориентации предмета научного атеизма на личность и воспитание её духовного мира¹. Подобные положения были также сформулированы

¹ Труды И. А. Галицкой показательны для характеристики констант и переменных в позициях исследователей религии, перешедших из советской партийной модели атеистического воспитания молодежи в постсоветскую модель духовно-нравственного воспитания молодежи; ср.: кандидатскую диссертацию «Особенности проявления и причины сохранения религиозных пережитков среди молодежи» (1970).

И. Д. Панцхава – заведующим кафедрой истории и теории атеизма философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

На совещании также прозвучали суждения о том, что научный атеизм не может быть составной частью марксистско-ленинской философии хотя бы потому, что все части этой философии были уже хорошо известны. Научные сотрудники ИНА, сославшись всё на того же И. Д. Панцхава, объявили научный атеизм существенной стороной марксистско-ленинской философии. Тогда получалось, что хоть научный атеизм и не является самостоятельной наукой, но он может иметь свой предмет и специфическую проблематику.

По итогам совещания директор ИНА А. Ф. Окулов сделал предварительные выводы: 1) речь идёт об очень важном вопросе; 2) ИНА необходимо чётко и кратко сформулировать предмет научного атеизма; 3) если этого не удастся сделать, то необходимо хотя бы определить проблематику научного атеизма; 4) нет необходимости придавать большое значение различным точкам зрения, а надо без всякого разгона подойти к вопросу о том, как мы понимаем предмет и проблематику научного атеизма. Суть главной проблемы перед коллегами Окулов сформулировал так: «Как же мы будем работать, как будем представлять нашу науку, как будет выглядеть институт научного атеизма, если мы не можем дать позитивную разработку или сформулировать предмет?»¹.

И действительно, эта ситуация очень показательна: даны указания директивных органов о необходимости создания новой науки, существует название этой науки и штат научных сотрудников научного учреждения, но нет предметной области и предмета самой науки. Научный атеизм был рождён не логикой развития научного знания, а политической волей партийного руководства и необходимостью вооружить идеологические учреждения научно обоснованными методами преодоления религии в советском обществе. В этом смысле научный атеизм не просто «глубоко партийная наука», он был

статью «Формирование научно-материалистического мировоззрения школьников: проблем и направления исследований» (1986), монографию (в соавторстве) «Духовно-нравственное воспитание: вопросы теории, методологии и практики в российской школе» (2012).

¹ Стенограмма совещания работников Института научного атеизма по вопросу о предмете научного атеизма // РГАСПИ. Ф. 606. О. 4. Д. 12. Л. 37.

ещё «наукой» директивной – порождением политической воли руководящих партийных органов и аппарата ЦК КПСС.

Для принятия политических решений по отношению к деятельности религиозных объединений и атеистическому воспитанию населения высшим партийным руководством страны использовалась информация, которая поступала из аппарата ЦК КПСС, КГБ СССР и Совета по делам религий. На основании этих данных Секретариатом ЦК КПСС или Политбюро ЦК КПСС санкционировалось соответствующее постановление – инструкция к действию нижестоящих партийных и советских органов.

Приведём пример воплощения в жизнь решений высших партийных инстанций по вопросам формирования марксистско-ленинского мировоззрения и атеистического воспитания. Так, 22 сентября 1981 г. Секретариат ЦК КПСС принимает постановление «Об усилении атеистического воспитания населения», которое принимается как руководство к деятельности на региональном уровне. В частности, Ленинградский обком КПСС выносит на своё бюро обсуждение данного постановления Секретариата ЦК КПСС и фактически дублирует его в своем постановлении. Решения, санкционированные на бюро Ленинградского ОК КПСС, касались всех звеньев системы атеистического воспитания: от подчинённых партийных организаций, до Дома санитарного просвещения, которому грозно предписывалось вести постоянную борьбу со знахарством и суевериями. Горкомам и райкомам КПСС предписывалось разработать и осуществить в 1982–1985 гг. конкретные меры по усилению атеистического воспитания населения, особенно женщин, детей и молодёжи, пенсионеров. Отделы пропаганды и агитации, культуры, науки и учебных заведений обкома КПСС обязывались установить контроль над выполнением настоящего постановления и о результатах доложить в декабре 1982 г.¹ Одним словом, работой были охвачены все звенья ленинградской системы атеистического воспитания.

На директивы вышестоящих инстанций реагировали райкомы КПСС. Например, в постановлении бюро Сестрорецкого райкома от 25 марта 1983 г. «О состоянии и мерах дальнейшего усиления атеистического воспитания населения района», поми-

¹ Протокол № 19 заседания бюро Ленинградского областного комитета КПСС от 22 декабря 1981 года // ЦГАИПД. Ф. 24. О. 184. Д. 52. Л. 2–5.

мо общих формулировок «устранить отмеченные недостатки», «развернуть научно-атеистическую пропаганду в соответствии с требованиями», содержался утверждённый план конкретных мероприятий по усилению атеистического воспитания населения района¹. При этом каждый нижестоящий парторган практически дублировал постановления вышестоящих инстанций и рассылал их в контролируемые организации и учреждения.

Когда же эти постановления спускались на самый низовой уровень, то парткомам первичных организаций приходилось проводить целый ряд по большей части формальных мероприятий. В качестве примера приведём пункты плана Совета по атеистическому воспитанию молодёжи комитета ВЛКСМ треста № 47 «Кировострой» по научно-атеистической пропаганде: лекторий «Атеист» при общежитии; экскурсии для проживающих в общежитии в Исаакиевский собор и Государственный музей истории религии и атеизма; выставки атеистической литературы в библиотеке общежития; подписку 11-ти комсомольцев на журнал «Наука и религия»; комсомольско-молодёжные свадьбы и торжественные проводы в Советскую армию².

Эффективность подобного атеистического воспитания зависела от реальной потребности советских граждан в ней. Но наличие и уровень такой потребности исследовались поверхностно. В то же время вся эта громоздкая партийная делопроизводительная машина была самодостаточной и могла воспроизводиться на собственных основаниях, даже без учёта действительной динамики религиозного сознания в советском обществе. Система «партийно-бюрократического атеизма» выполняла охранительно-идеологические функции и была нацелена на контроль и надзор более, чем на воспитательную деятельность.

Описание советской системы атеистического воспитания осталось бы неполным без упоминания ещё одной подсистемы – органов Главлита (советской цензуры). Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (название учреждения советской цензуры с 1966 г.) и его

¹ Постановление бюро Сестрорецкого райкома КПСС от 25 марта 1983 года // ЦГАИПД. Ф. 2882. О. 44. Д. 17. Л. 1–6.

² О работе Совета по атеистическому воспитанию молодёжи комитета ВЛКСМ треста № 47 «Кировострой» за 1981 год // ЦГАИПД. Ф. 8769. О. 1. Д. 121. Л. 21.

местные органы не просто занимались «вычерками», но ещё рекомендовали тексты на идейную доработку, по сути являясь «соавторами» цензурируемых ими объектов печатной продукции. Советская государственная цензура была методом управленческого воздействия партийных органов на формирование идеологических приоритетов в советском обществе. Специфику взаимодействия органов государственной цензуры и партийного аппарата довольно точно выразил в своём докладе на партсобрании первичной партийной организации Управления по охране государственных тайн в печати при Леноблгорисполкомах заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского обкома КПСС Л. Н. Царёв:

Облгорлит не занимается политическим редактированием. Но мы считаем, что правильно поступают коммунисты Управления, обращая внимание на те или иные идейно-ущербные материалы. В партийных органах всегда внимательно рассматривают ваши замечания по этим вопросам. Партийные органы и впредь будут рассчитывать на ваше внимательное отношение к публикации не только в вопросах сохранения государственной тайны, но и в идеологических вопросах. Замечая те или иные политически ошибочные положения, факты дезинформации, публикация которых может нести ущерб советскому государству, вы не должны проходить мимо этих фактов, а ставить в известность редактора, а если он настаивает на своём мнении, советоваться с соответствующими отделами Обкома и Горкома партии. Их мнение и является решающим! Всё это особенно важно в период острейшей идеологической борьбы¹.

В этом выступлении партийного аппаратчика нашла отражение диалектика партийного управления: государственный служащий формально политическим редактированием заниматься не должен, но как коммунист, руководствуясь личной идейностью, партийной совестью и идеологией, обязан был сигнализировать партийному руководству в случае обнаружения в цензурируемом тексте антипартийной крамолы.

Приведём пример советской государственной цензуры, которая предписывала автору, что нужно писать и какие идеи должны найти отображение в тексте. Речь пойдёт о книге М. С. Кагана «О прикладном искусстве. Некоторые вопросы теории» (Ленинград: Художник РСФСР, 1961), которая вызвала резкое осуждение уже на стадии предварительного контроля.

¹ Протокол № 12 партсобрания Управления по охране государственных тайн в печати при Леноблгорисполкомах от 16.04.1981 г. // ЦГАИПД. Ф. 1669. О. 6. Д. 39. Л. 43.

Книга недостаточно политически остра, не противопоставляет советское и буржуазное искусство. На стр. 78–79 автор разбирает, как воздействует храм и царский дворец. Этот разбор носит такой объективистский, аполитичный характер, что несет отрицательное воздействие на советского читателя. Это – настоящий хвалебный гимн божьему храму, способный вызвать искушение сходить в этот храм и испытать описанные чувства. А ведь эти примеры можно использовать так, чтобы придать им нужную нам политическую окраску, показать, как господствующий класс использовал искусство вообще и религиозное в частности, чтобы через храмы и дворцы вызвать у народа нужные ему, то есть эксплуататорскому классу, чувства и идеи. И тут же сказать, что советское прикладное искусство, реализуемое в клубах, дворцах культуры, станциях метро и т. д., воспитывает у советских людей другие, нужные нам идеи, чувства [1, с. 203–204].

Цензор потребовал «ввести в книгу исправления, которые придали бы ей политическую заостренность, или оговорить классовый характер разбираемых примеров». Таким образом, органы советской государственной цензуры были звеном системы атеистического воспитания благодаря партийному руководству, которое реализовало на практике установки идеологической работы посредством органов и учреждений государства.

Для развития нашей темы необходимо упомянуть ещё об одном существенном явлении, с которым столкнулись идеологические учреждения в процессе анализа качества воспитательной работы по формированию марксистско-ленинского мировоззрения у советских граждан – это явление *мировоззренческого индифферентизма*. Результаты социологических обследований указывали на мировоззренческий индифферентизм в молодёжной среде с достаточно высоким уровнем образования. Так, на семинаре членов советов по атеистическому воспитанию молодёжи при райкомах и горкомах ВЛКСМ, проходившем 27 октября 1970 г., доцент Лесотехнической академии Д. М. Аптекман заявил: «сегодня надо главным образом вести работу с неверующими, поднимая до высокого уровня активную сознательность неверующих»¹. В апреле 1971 г. на семинаре членов советов по атеистическому воспитанию молодёжи при райкомах и горкомах ВЛКСМ профессор М. И. Шахнович в своем докладе развивал тему молодёж-

¹ Аптекман Д. М. Опыт работы Выборгского райкома КПСС по атеистическому воспитанию населения // ЦГАИПД. Ф. 598к. О. 27. Д. 222. Л. 59.

ного идейного индифферентизма [12, с. 426–432]. В начале 1970-х гг. Институт научного атеизма два года проводил изучение «процесса формирования атеистических убеждений у студенческой молодежи», и после получения результатов исследования А. Ф. Окулов в 1974 году докладывал в ЦК КПСС «о безразличном отношении к мировоззренческим вопросам и безыдейности советской молодежи, её примиренческом отношении к проявлениям религиозности» [12, с. 433].

В 1984 г. в аналитической записке, касающейся итогов большого социологического исследования по проблемам религии и атеистической пропаганды в Ставропольском крае, сотрудники ИНА также обратили внимание на развитие индифферентизма по отношению к религии и атеизму: окончившие местные средние школы молодые родители крестили своих детей, хотя сами считали себя неверующими. Этот факт, по мнению исследователей, был связан с серьезными упущениями в идейно-воспитательной работе среди учащихся¹.

Получалось, что индифферентные неверующие, которые были равноудалены от религии и атеизма, стали представлять для идеологических учреждений гораздо более серьезную проблему, чем немногочисленная группа убежденных носителей религиозного сознания. И действительно, равнодушие молодежи к мировоззренческим вопросам в целом и религиозный индифферентизм в частности были тревожными сигналами для партийных идеологов, ведь это означало качественно низкое воспроизводство научно-материалистических убеждений в массовом сознании новых поколений советских граждан.

Думается, мировоззренческий индифферентизм в молодежной среде был обусловлен, во-первых, расхождением декларативных идеологических установок с повседневной практической деятельностью носителей политической власти; во-вторых, молчаливым сопротивлением духовному и административному подавлению любых форм инакомыслия в среде советского студенчества; в-третьих, устойчивым безразличием к шумным идеологическим кампаниям, которые не изменяли к лучшему повседневную жизнь людей. Увеличивался разрыв между партийным идеологическим аппаратом с его клиширо-

¹ Записка об итогах социологического исследования проблем религии и атеизма в Ставропольском крае от 26 июня 1984 года // РГАСПИ. Ф. 606. О. 2. Д. 384. Л. 39.

ванными лозунгами и обещаниями светлого коммунистического будущего, и разочаровывающимися в своих ожиданиях перемен советскими гражданами. Развитие этого противоречия должного и сущего приводило к стремительной утрате политического авторитета правящей партийной элиты. Вот почему мировоззренческий индифферентизм не мог не волновать идеологический истеблишмент правящей партии.

В советской политической сфере второй половины XX в. явно обозначилось противоречие между идеологическими установками КПСС и прагматическими задачами управления, которое осуществляло Советское государство. По-своему суть этого противоречия в реализации политики государства по отношению к религиозным объединениям довольно точно сформулировал уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Ленинграду и Ленобласти Г. С. Жаринов на одном из закрытых круглых столов общества «Знание», проходившем 15–16 декабря 1985 г.: «Мы должны разбирать, где политика, а где идеология. Хотя политика и идеология не разделяются, но в данном вопросе, в вопросе отношения к церкви, мы ведь поощряем деятелей церкви за миротворческую деятельность, это вопрос не идеологический, это политический вопрос, а в области идеологии религия как была, так и остаётся нашим идейным противником, мы не скрывали этого никогда и скрывать не должны» [12, с. 462].

Государственные органы, которые занимались осуществлением управленческого воздействия и контроля по отношению к религиозным объединениям – Совет по делам религий при СМ СССР и КГБ, были заинтересованы в нормализации отношений между государством и органами управления религиозных организаций. А идеологический аппарат КПСС требовал действий по преодолению религиозной жизни в Советском Союзе. В этом смысле управленческие задачи Советского государства входили в противоречие с желаниями партийного руководства воспроизводить образ страны «победившего массового атеизма». Догмы официальной идеологии переставали соответствовать текущим политическим задачам, а идеологическому партаппарату было всё труднее приспособить закостенелую идеологию к нуждам динамически развивающейся политической необходимо-

сти. Собственно говоря, «перестройка» была запоздалым ответом руководства КПСС на перезревшее противоречие идеологии и политики. В этих идеологических процессах не мог не участвовать и ИНА. В частности, его сотрудники, с целью обновления принципов атеистического воспитания, предложили понятие «трудящиеся-верующие» [5, с. 181–195], с помощью которого стремились подчеркнуть единство трудящихся независимо от их отношения к религии.

Стремительно набиравшие силу в 1980-е гг. процессы раскрепощения духовной жизни советского общества приводили к появлению смелых публикаций в самой авторитетной советской периодике. Например, в печатном органе Союза писателей СССР – журнале «Новый мир», историк философии А. В. Гулыга в своей статье «Поиски Абсолюта» поставил под сомнение необходимость атеистического воспитания. Он заявил, что идеологическая борьба с религией совершенно бессмысленна: религию надо не отменять, а превзойти, «снять», т. е. преодолеть, усвоив всё ценное [4, с. 248]. В своём интервью «Литературной газете» академик Д. С. Лихачёв призывал к невмешательству внерелигиозного государства в дела церкви и церкви в дела государства. Он критиковал атеистическую пропаганду за внушение советским гражданам враждебного отношения к верующим и церкви, а причины этого «атеистического мракобесия» усматривал в невежестве и отсутствии культуры демократии [6, с. 2].

Любопытная дискуссия развернулась на страницах печатного органа ЦК КПСС – газеты «Правда». Накануне событий, связанных с празднованием 1000-летия Крещения Руси (в атеистической печати этот юбилей называли 1000-летие введения христианства на Руси), выходит статья А. Ф. Окулова «Веха духовной свободы: к 70-летию ленинского декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”». Название статьи напомнило атеистам, что и им есть что отметить. А. Ф. Окулов призывал отказаться от безразличия в атеистической работе и связывал её с движением к вершинам духовной свободы, к научному мирозерцанию. В то время как носителей религиозного сознания он сравнивал с людьми «плетущимися среди густого тумана суеверий, в тёмном краю, наполненном злыми духами и приведениями» [10, с. 3].

Но уже в июньском номере «Правды» публикуется гневное письмо, подписанное двумя член-корреспондентами и двумя академиками (С. Аверинцев – член-корреспондент АН СССР, А. Адамович – член-корреспондент АН БССР, Т. Заславская – академик; Б. Раушенбах – академик). Это письмо – своего рода отповедь тем тезисам, которые развивал А. Ф. Окулов: во-первых, авторы письма обратили внимание на объективное существование религиозного сознания и многомиллионной армии верующих в Советской Союзе, хоть этот факт и не укладывался в прокрустово ложе привычных номенклатурных догм о «стране победившего массового атеизма»; во-вторых, в письме давалась рекомендация развернуть многочисленный атеистический аппарат в сторону изучения религиозного сознания советских граждан, чтобы иметь не иллюзорные, а надёжные научно обоснованные представления об этом предмете [15, с. 4].

Очевидно, что такая острая полемика на страницах печатного органа ЦК КПСС не могла не быть санкционирована высшим партийным руководством. При этом проблему несоответствия идеологической догматики политической целесообразности прекрасно осознавали в высших эшелонах власти – как противники методов «перестройки», так и их сторонники. Осторожно взвешенная стратегия, направленная на консолидацию совместной деятельности верующих и атеистов по развитию и воплощению в жизнь социалистических идеалов, нашла своё выражение в редакционной статье «Социализм и религия» журнала «Коммунист» – главного печатного органа ЦК КПСС [13, с. 115–123].

Попыткой обновления научно-атеистической доктрины стала концепция под названием «Работа партии по идеологическому обеспечению перестройки в области вероисповедной политики и атеизма», предложенная ИНА в идеологический отдел ЦК КПСС в 1989 году. Это довольно пространственный документ на 18 страницах печатного текста, который начинается с тезиса о закономерном существовании религии в социалистическом обществе. Объективное развитие религиозного комплекса в Советском Союзе, по мнению автора концепции В. И. Гараджи, приводило к негативному восприятию системы атеистического воспитания, особенно среди художественно-творческой интеллигенции и студенческой молодёжи.

Согласно логике документа, КПСС должна защищать свои мировоззренческие позиции и пропагандировать атеизм, но установка на преодоление религии на этапе «зрелого социализма» противоречила реалистическому подходу и на практике приводила к нежелательным последствиям – наносила ущерб политическому и идейному единству советского общества, противопоставляя верующих неверующим. Следовательно, устаревшие идеологические установки в атеистической работе не только делали её неэффективной, но и приводили к негативным политико-идеологическим последствиям. Было предложено различать мировоззренческий и политический аспект в отношении КПСС к религии и церкви – это означало исключение перевода мировоззренческой противоположности марксизма-ленинизма и религии в русло политической конфронтации коммунистов и носителей религиозного сознания. Главной целью политики КПСС в отношении церкви и верующих авторы Концепции объявили сплочение всех трудящихся, верующих и неверующих для реализации задач перестройки, нормализации межнациональных отношений, решения социально-экономических проблем, нравственного обновления общества с учётом национальных традиций и конфессиональных особенностей. КПСС объявлялась выразительницей общих интересов всех трудящихся как неверующих, так и верующих. Этот общий интерес заключался в возможности жить в согласии со своими убеждениями и, несмотря на различие мировоззренческих платформ, совместно трудиться во имя страны и обновления социализма.

Кстати говоря, для консолидации советского общества (в том числе верующих и атеистов) в идеологию «перестройки» было внесено понятие «общечеловеческие ценности», благодаря которому стремились достичь сплочённости разномыслящих социальных общностей.

В документе содержалась важная и по тем временам смелая мысль отказа от диктата партийных комитетов в области, касающейся государственного контроля над религиозными организациями. Необходимо было не допускать смыкания религиозных организаций с оппозиционными государству и партийной программе силами, а это во многом зависело от проведения политики невмешательства во внутренние дела

религиозных объединений, предоставления им возможностей для полного удовлетворения религиозных потребностей верующих. Предлагалось не преследовать членов КПСС и ВЛКСМ за участие в религиозных обрядах, а партийным комитетам и организациям не претендовать на монопольное владение истиной. Партийные комитеты должны были преодолевать атеистический экстремизм: любых выражений интеллектуального, морального, социального превосходства над верующими. Это должно было снять недоверие к атеистической пропаганде большей части советских людей, видящих в религии позитивное начало и устранить недоверие в международном сообществе, склонном рассматривать Советский Союз как атеистическое государство¹. В августе 1991 г. на основании записки ИНА Секретариат ЦК КПСС принял постановление, в котором признавал право свободно выражать отношение к религии за всеми членами КПСС [7, с. 82].

Подобные ограничения вмешательства в духовную жизнь общества партийная идеологическая номенклатура воспринимала очень болезненно, так как речь шла, в сущности, об ограничении её властного произвола и понижении политического авторитета. Хотя необходимость такого рода самоограничений политической власти осознавалась и признавалась. По мнению А. С. Ципко (с 1986 г. консультант в аппарате ЦК КПСС, а с 1988–1990 гг. – помощник секретаря ЦК КПСС А. Н. Яковлева) для значительной части аппарата ЦК КПСС марксизм-ленинизм был ещё до «перестройки» только бутафорией, а идеологические структуры ЦК КПСС стояли не столько на страже коммунистических идеалов, сколько «охраняли» спускаемые сверху «правила игры». Как утверждает Ципко, подавляющая часть аппарата ЦК были почвенниками, поклонниками таких легальных антикоммунистов, как писатели-деревенщики Распутин, Белов, Солоухин, Астафьев, Залыгин [16, с. 116]. Стоит отметить, что процессы гласности несли неминуемую гибель гегемонии правящей партии. Нужно согласиться с суждениями исследовательницы советского атеизма В. Смолкин о том, что «перестроечное» возвращение религии в общественную жизнь, санкционированное высшим партийным руководством,

¹ Работа партии по идеологическому обеспечению перестройки в области вероисповедной политики и атеизма // РГАСПИ. Ф. 606. О. 2. Д. 535. Л. 43–61.

укрепило моральный авторитет государства, но подорвало позиции КПСС [12, с. 501].

Таким образом, идеи обновления содержания и методов атеистического воспитания были связаны с попыткой приспособить догмы официальной идеологии к задачам политики государства и предотвратить эскалацию негативных социально-политических процессов, связанных с угрозой потери целостности государства и отказа от принципов социалистического общества. При этом трудно было предложить реформированную стратегию научно-атеистического воспитания и отказаться от двух важнейших клише марксистско-ленинской идеологии: о преодолении религии в обществе, приближающемся к построению коммунизма, и о Советском Союзе как стране массового атеизма.

Стоит отметить, что с 1961 по 1986 г. в Программе КПСС, наряду с требованиями вести широкую научно-атеистическую пропаганду и не оставлять место для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах, содержалось обещание создать материально-техническую базу коммунизма и обеспечить изобилие материальных и культурных благ для всего населения [8, с. 368]. Очевидно, что подобные обещания нуждались в существенной доработке и ничего общего с действительностью не имели. Попытки правящей партии предложить обновлённую программу в период «перестройки» поставили под сомнение весь предыдущий политико-идеологический курс КПСС, а система научно-атеистического воспитания обрекалась на быстрое затухание.

Марксистско-ленинская идеология была инструментом для управления обществом, формирования и манипулирования массовым сознанием. Идеология выполняла в первую очередь охранительную функцию: работала на повышения авторитета правящей коммунистической партии, выражала интересы партийной элиты. Что касается приписывания квазирелигиозных свойств марксизму-ленинизму, то и эта точка зрения имеет серьёзные основания. Во-первых, как и религия, идеология марксизма-ленинизма претендовала на абсолютную истину, а партийные организации стремились формировать единственно правильное научное мировоззрение у всех советских граждан. Во-вторых, идеологиче-

ские институты коммунистической партии разрабатывали и внедряли в повседневную практику целый комплекс социалистических гражданских обрядов, с помощью которого стремились вытеснить культовую практику религиозных объединений. В-третьих, коммунистическая и религиозная идеологии претендуют на внеклассовый характер, пытаются интегрировать социальные общности с противоречащими интересами в единое целое. Хотя марксизм-ленинизм и выражал в теории интересы пролетариата, но это была идеология, которая стремилась к построению бесклассового общества, из чего следовало, что она не выражает узкоклассовые интересы, точнее – выводит из классового интереса пролетариата идею бесклассовости. В этом смысле марксизм-ленинизм претендовал на выражение всеобщих интересов аналогично мировым религиозным учениям.

Выводы

В советском обществе второй половины XX в. для подавляющего большинства людей религия не была политической проблемой, а религиозное сознание воспроизводилось, не вступая в радикальный конфликт с социальным строем. Тем не менее, для КПСС существование религиозных объединений представляло вызов её авторитету. Для научного обоснования идеологического тезиса о преодолении религии в ходе построения коммунизма и был «порождён» научный атеизм, выращенный в пробирке идеологического аппарата ЦК КПСС. В такой ситуации система атеистического воспитания была одним из способов репрезентации марксистско-ленинской идеологии в новых поколениях советских граждан.

В жизни советского общества идеологический стереотип преодоления религии вошёл в противоречие с политической целесообразностью и исторической необходимостью. Научный атеизм, являясь подсистемой «научной идеологии» марксизма-ленинизма, выполнял охранительную функцию, как бы защищая сознание советского человека от деструктивного воздействия религии. Однако коммунистические идеалы, образ «нового человека» – всё это обитало в мире должного и желаемого, тогда как в мире сущего идеологический аппарат ЦК КПСС и партийная бюрократия в целом наталки-

вались на противоречия заявленных идеалов и политико-административной практики.

В период «оттепели», на волне идеологического подъёма, реализация намерений по атеизации общественного сознания и преодолению религии не вызвала особых сомнений, хотя уже тогда научная и творческая интеллигенция высказывала критические замечания о необходимости борьбы с религией. Однако в ходе кампании по преодолению религии, стали выясняться не только неэффективность системы атеистического воспитания, но и нарастающее разочарование в идеях марксизма-ленинизма у самого идеологического аппарата ЦК КПСС. Очевидно, в кругах мыслящей правящей элиты латентно развивались идеи почвенничества и симпатий к религии.

С середины 1980-х гг. в процессе «перестройки» КПСС посредством своих идеологических институтов стремилась к обновлению принципов и методов атеистического воспитания. Не без влияния *гласности*, ставшей действенным инструментом дискредитации партийных органов, произошло перетекание политической власти от аппарата КПСС к Советскому государству. Возвращение религии в публичное пространство (после 1988 г.) укрепило моральный авторитет государства, которое стало активно включать элементы религиозных этических учений в формирование новой государственной идеологии.

Духовная сфера жизни советского общества хоть и испытывала мощное воздействие партийных идеологических институтов, которые пытались поставить её развитие под свой контроль, но при этом оказывала и обратное воздействие на «идеологических контролёров» – трансформировала их сознание. Идеологическому аппарату ЦК становилось всё труднее использовать официальную идеологию для обеспечения политико-управленческих решений.

Законы духовного производства (производства общественного сознания) объективны, имеют свою внутреннюю логику, а процесс атеизации общественного сознания выражал лишь политическую волю партийного руководства воспитать социалистический тип личности, носителя атеистических убеждений. Намерение партийно-бюрократического аппарата преодолеть религию как идеологического конкурента привело к конструированию в рамках альтернативного религиозному

сознанию научно-материалистического мировоззрения искусственной институции – *научного атеизма*. Но в процессе формализации и бюрократизации системы атеистического воспитания эта институция постепенно теряла эффективность.

Усиленные попытки «онаучить» научный атеизм, придать его теоретическому содержанию респектабельный облик академического исследования религий, неизменно расходились с идеологическими требованиями практики противостояния религиозному влиянию. Исследовательское содержание научного атеизма постоянно корректировалось в директивной форме партийными установками атеистического воспитания, пропаганды и агитации. Это не могло не отразиться на состоянии сознания и деятельности совокупного субъекта научного атеизма, который носил сложносоставной характер – от сотрудников профильных отделов партийных органов всех уровней, до вовлеченных в атеистическую работу преподавателей вузов, учителей, работников учреждений культуры, здравоохранения и т. д. Для многих исполнителей разных функций в системе атеистического воспитания так и оставалось неясным, что значит – преодолевать религию, и зачем это нужно в современных цивилизационных условиях. Пожалуй, именно это является одной из значимых причин затухания советского атеистического проекта.

В целом работа партийного аппарата КПСС выполняла функцию обеспечения партийно-государственного управления специфическими идеологическими методами. Цель этой деятельности сводилась к формированию состояния общественного сознания, отвечающего установкам политики КПСС. В этом смысле концептуальное содержание идеологии, её целостность и непротиворечивость мало интересовали отделы пропаганды и агитации партийных органов. Основным показателем эффективности работы идеологического аппарата – обеспечение политических решений руководства КПСС. Атеистическое воспитание как звено идеологической работы представляло интерес только с точки зрения его соучастия в реализации решений партийно-государственного управления. Поскольку уровень востребованности научно-атеистической пропаганды в общественном сознании оставался невысоким, то она постепенно стала представлять, скорее, проблему для партийных идеологов, решить которую они так и не смогли.

Список литературы

1. Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. – СПб.: Академический проект, 2005. – 296 с.
2. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия, 1991. – 624 с.
3. Губанов Н. И. О понятии «система атеистического воспитания» // Вопросы научного атеизма. Вып. 9. Система атеистического воспитания. – М.: Мысль, 1970. – С. 23–37.
4. Гулыга А. В. Поиски Абсолюта. К вопросу о милосердии, о котором напомнил Д. Гранин // Новый мир. – 1987. – № 10. – С. 245–253.
5. Кичанова И. М. Освоение трудящимися-верующими социально-нравственных ценностей социалистического общества // Вопросы научного атеизма. Вып. 35. – М.: Мысль, 1986. – С. 181–195.
6. Лихачёв Д. С. От покаяния к действию! // Литературная газета. – 1987. – № 37 (9 сентября). – С. 2.
7. Маслова И. И. Вероисповедная политика в СССР: поворот курса (1985–1991 гг.). – М.: МНЭПУ, 2005. – 239 с.
8. Материалы XXII съезда КПСС. – М.: Госполитиздат, 1961. – 464 с.
9. Материалы XXIII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1966. – 304 с.
10. Окулов А. Ф. Веха духовной свободы: к 70-летию ленинского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Правда. – 1988. – № 33 (2 февраля). – С. 3.
11. Смирнов М. Ю. Научный атеизм в советском высшем образовании: периодизация и содержание // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2018. – № 3. – С. 144–171.
12. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. – М.: НЛО, 2021. – 552 с.
13. Социализм и религия // Коммунист. – 1988. – № 4. – С. 115–123.
14. Строительство коммунизма и духовный мир человека / под ред. Ц. А. Степаняна. – М.: Наука, 1966. – 640 с.
15. Уйти от догм // Правда. – 1988. – № 169 (17 июня). – С. 4.
16. Ципко А. С. Исповедь одессита-антисоветчика: агент «Солидарности» в команде Горбачева. – М.: Навона, 2011. – 319 с.
17. Шахнович М. М., Терюкова Е. А. Научный атеизм: от науки к утопии. – 2-е изд., доп. – СПб.: ГМИР, 2023. – 304 с.

References

1. Blyum, A. V. (2003) *Kak eto delalos' v Leningrade. Tsenzura v gody ottepeli, zastoya i perestrojki. 1953–1991* [How it was done in Leningrad. Censorship during the years of thaw, stagnation and perestroika. 1953–1991]. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt [Academic project]. (In Russian).
2. Voslenskij, M. S. (1991) *Nomenklatura. Gospodstvuyushchij klass Sovetskogo Soyuz* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Moskva: Sovetskaya Rossiya [Soviet Russia]. (In Russian).
3. Gubanov, N. I. (1970) O ponyatii "sistema ateisticheskogo vospitaniya" [On the "system of atheistic upbringing" concept]. *Voprosy nauchnogo ateizma – The Question of Scientific Atheism*. No. 9. Pp. 23–37. (In Russian).
4. Gulyga, A. V. (1987) Poiski Absolyuta. K voprosu o miloserdii, o kotorom napomnil D. Granin [Search for the Absolute. On the issue of mercy, which D. Granin recalled]. *Novyj mir – New world*. No. 10. Pp. 245–253. (In Russian).
5. Kichanova, I. M. (1986) Osvoenie trudyashchimisya-veruyushchimi sotsial'no-nravstvennykh tsennoسته sotsialisticheskogo obshchestva [Mastering by working believers the social and moral values of a socialist society]. *Voprosy nauchnogo ateizma – The Question of Scientific Atheism*. No. 35. Pp. 181–195. (In Russian).
6. Likhachyev, D. S. (1987) Ot pokayaniya k dejstviyu [From repentance to action]. *Literaturnaya gazeta – Literary newspaper*. No. 37. P. 2. (In Russian).

7. Maslova, I. I. (2005) *Veroispovednaya politika v SSSR: povорот kursа (1985–1991)* [Religious politics in the USSR: turning course (1985–1991)]. Moskva: Mezhdunarodnyj nezavisimyj ekologo-politologicheskij universitet [International Independent Ecological and Political Science University]. (In Russian).
8. Materialy XXII s"ezda KPSS. (1961) [The XXII CPSU congress materials]. Moskva: Gospolitizdat [State publishing house of political literature]. (In Russian).
9. Materialy XXIII s"ezda KPSS. (1966) [The XXIII CPSU congress materials]. Moskva: Politizdat [Political literature]. (In Russian).
10. Okulov, A. F. (1988) Vekha dukhovnoj svobody: k 70-letiyu leninskogo dekreta "Ob ot-delenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi" [The weight of spiritual freedom: on the 70th anniversary of Lenin's decree "On the separation of church from state and school from church"]. *Pravda – Truth*. No. 33. P. 3. (In Russian).
11. Smirnov, M. Yu. (2018) Nauchnyj ateizm v sovetskom vysshem obrazovanii: periodizatsiya i sodержanie [Scientific atheism in Soviet higher education: periodization and content]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 144–171. (In Russian).
12. Smolkin, V. (2021) *Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetskogo ateizma* [A sacred space is never empty: a history of Soviet atheism]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
13. Sotsializm i religiya [Socialism and religion]. (1988). *Kommunist – Communist*. No. 4. Pp. 115–123. (In Russian).
14. Stepanyan, TS. A. (1966) (ed.) *Stroitel'stvo kommunizma i dukhovnyj mir cheloveka* [The construction of Communism and the spiritual world of man]. Moskva: Nauka. (In Russian).
15. Ujti ot dogm (1988) [Get away from dogma]. *Pravda – Truth*. No. 169 (17 June). P. 4. (In Russian).
16. Tsipko, A. S. (2011) *Ispoved' odessita-antisovetchika: agent "Solidarnosti" v komande Gorbacheva* [Confession of an anti-Soviet Odessa resident: "Solidarity" agent in Gorbachev's team]. Moskva: Navona. (In Russian).
17. Shakhnovich, M. M., Teryukova, E. A. (2023) *Nauchnyj ateizm: ot nauki k utopii* [Scientific atheism: from science to utopia]. 2nd ed. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj muzej istorii religij. (In Russian).

Об авторе

Курилов Виктор Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-8419-9381, e-mail: viktor.kurilov.1983@mail.ru

About the author

Viktor A. Kurilov, Cand. Sci. (Philos.), Assistant Professor, Pushkin Leningrad State University; Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-8419-9381, e-mail: viktor.kurilov.1983@mail.ru

Поступила в редакцию: 05.01.2024
Принята к публикации: 13.02.2024
Опубликована: 22.03.2024

Received: 01 January 2024
Accepted: 13 February 2024
Published: 22 March 2024